

И правило это незыблемо:
коль падают на землю капли крови,
знать, дальше будет только больше.

Эсхил. Плакальщицы

Глава 1

Порой я слышу в коридорах дворца плач убитых детей. Однажды я сказала об этом мужу. Но он ответил, что это подвывают лисицы на склоне под стенами цитадели да визжат свиньи. Он не любит, когда ему напоминают о преступлениях, совершенных членами его семьи. Однако убиенные дети молят о справедливости. Я слышу их всхлипывания и шепот и строю планы.

Мой муж ведет войну в чужих землях. Как это естественно — править вместо него, а не прислушиваться из тени к тому, как он вершит наши судьбы. Я отпраздную возвращение мужа. Но его в трапезной зале не будет.

Возвращение в родные стены... С него началась череда преступлений его семьи, оно же и положит им конец.

* * *

Отец моего мужа, Атрей, замыслил злодеяние, с которого и начались все наши беды. За долгие годы это преступление прочно укоренилось в моем сознании, будто я сама присутствовала при нем. Я слышала эту историю от Фиеста, Атреева брата. Он рассказывал ее вновь и вновь в часы пьяной бессонницы, а также когда кричал и ходил во сне. Фиест и Атрей связали себя узами взаимной ненависти, и Фиест считал их неразрывными. Источником их вражды стал, конечно же, микенский трон.

В таких обстоятельствах неудивительно, что Фиеста охватило дурное предчувствие, когда Атрей вдруг пригласил его после изгнания в Микены на пир в знак примирения. Но кто не рискует, тот не выигрывает.

Место действия: зал во дворце Атрея. В очаге потрескивает огонь. Помимо этого не слышно ни звука — нет ни певцов, ни акробатов, ни гостей на празднике в честь возвращения Фиеста, только суровый хозяин восседает на своем месте, да за отдельным столом — мальчики. Один — восьми безрадостных зим от роду, а второй, съжившийся от страха, — шести.

Губы Атрея искривляются в редко появляющейся у него улыбке.

— Наполни чашу моему брату.

Раб поднимает крышку трехногого котла, выпуская запах варева, чем-то напоминающий свиной, и несет дымящуюся чашу Фиесту.

Фиест прикладывает край чаши к губам и заливает в себя похлебку. Непонятное варево с плавающими на поверхности кружочками жира обжигает ему пищевод. Он отрыгивает и выносит свой вердикт:

— Отвратительно. Но с тех пор, как ты отправил меня в изгнание, я знавал вещи и похуже больного живота.

Улыбка не озаряет глаз Атрея.

— Довольно ссор, Фиест. Наша семья воссоединилась и стала крепче, чем когда-либо. Я тут думал: может, ты перестанешь рваться на мой трон, если я поставлю тебя во главе войска? Будешь владеть вторыми по величине землями после моих.

Фиест чешет затылок, пожимает плечами.

— Надо подумать. Похлебки не отведаешь, Атрей? А твое потомство? Судя по виду твоего младшего, он привык к двойным порциям, а то и к тройным и дочиста вылизывает котел.

Младший мальчик встает и спешит к очагу с пустой чашей.

— Сядь, жадный ты паскудыш! — гаркает на него Атрей. — Поешь, когда я скажу.

Мальчонка, весь пунцовый, тащится обратно за стол. Брат тычком локтя в ребра заставляет его перестать шмыгать носом.

Пир, совсем не похожий на пир, продолжается. Атрей посасывает пропитанный оливковым маслом хлеб, и его сыновья делают то же самое. Оба мальчика и оба мужчины разом поднимают взгляды на балкон, откуда до них доносится звук шагов и шуршание многоярусных юбок, напоминающих оперенье летящей птицы.

— Аэропа, шпионишь, сука, — ревет Атрей, и птица — его царица-жена — отшатывается назад. — Спускайся сюда и покажи моему брату свое гостеприимство, коим ты прославилась. Я уверен, что он по нему соскучился.

В ожидании, пока царица спустится по ступеням, Атрей с Фиестом пристально смотрят друг на друга. Кажется, проходит целая вечность к тому моменту, как алый занавес в дверном проеме распаивается и Аэропа в сопровождении вооруженного стражника входит в зал. Младший мальчик вскакивает с места и тонким голоском приветствует мать; старший из братьев хватается ребенка за руку и рывком усаживает обратно на стул. Страж-

ник ставит за детский стол третий стул, и царица садится на него. Она сидит, опустив голову. На царице традиционный лиф, оставляющий открытой грудь — женский дар вскармливания. Но надетая под него тонкая рубашка оскорбляет похотливый взгляд Фиеста.

— Титьки она нынче прикрывает, — замечает Атрей. — Я бы заставил ее спрятать под вуалью еще и лукавое лицо, если бы оно не выдавало ее секретов. Ладно, Аэропа, неужели не поприветствуешь Фиеста? Ты бы, без сомнений, была приветливее, оставь я тебя с ним наедине.

Царица лепечет:

— Атрей, почему бы тебе не попросить аэда¹ спеть?

— Женщина, почему бы тебе не съесть чего-нибудь? Возможно, ты станешь мне приятнее, если твои кости хоть немного обрастут мясом. Что, Фиест, как тебе нравится моя жена?

— Просто говори уже, что собирался, — вместо ответа просит Фиест.

— Ох, не только мне придется что-то говорить сегодня. Тебе ведь всегда хотелось иметь то, что было моим по праву, верно, Фиест?

— Если ты имеешь в виду трон Микен, то он никогда не был твоим по праву рождения.

— Нет! — кулак Атрея с силой обрушивается на стол. — Я получил его благодаря своим заслугам.

¹ Аэд — древнегреческий эпический певец эпохи бесписьменной поэзии (IX–VIII вв. до н.э.). Аэды выступали на пирах, общественных празднествах, погребальных церемониях. Мелодичный речитатив сопровождался ими игрой на форминге, древнейшем струнном щипковом инструменте (*Прим. ред.*).

Микенцы хотели видеть на троне меня, а не тебя. Наш племянник имел глупость, уходя на войну, назвать своими правопреемниками нас обоих. Если бы мы правили совместно, то разорвали бы его царство напополам.

— На троне может уместиться только одна задница, — соглашается Фиест.

— После того как он был убит, его сторонники умоляли меня править единолично. Мы оба были чужаками в Микенах, но о тебе микенцы знали только, что ты есть. Поэтому, в этом не сомневайся, они всегда останутся верны мне. У них преданные сердца настоящих мужчин. — Атрей опорожняет кубок, выплескивая остатки в лицо жены.

Аэропа сидит, не шелохнувшись и не издав ни звука. Затем она встает и стряхивает капли с лифа. Ее младший сын начинает хныкать. Старший покусывает ломоть хлеба.

— Разве я разрешал тебе уйти? — орет Атрей, и царица падает обратно на стул. — Это ты его взяла. Шлюха! Я знаю, что ты сделала.

Он подает резкий жест рабу, чтобы тот наполнил чашу Фиеста. Фиест заставляет себя проглотить еще похлебки. Она остро приправлена. Возможно, чтобы скрыть несвежесть мяса. Но его внутренности напрягаются не поэтому. Его брат каким-то образом все-таки узнал правду.

— Это ты украла золотое руно, — обвиняет Атрей Аэропу. Ее взгляд прикован к его сжимающимся и разжимающимся пальцам. — Ты отдала его Фиесту, чтобы он надел его в день моей коронации. Из-за твоего предательства микенцы решили, что боги выбрали его, а не меня. Мы провели в из-

гнании долгие годы, пока мне не удалось вернуть себе трон и отправить его в изгнание. Ты что же, думала, что он отберет и тебя, а потом сделает своей царицей? Бестолковая сука. А что, Фиест, хорошо с ней покувыркался до того, как выставил вон?

Ногтем большого пальца Фиест достает застрявший между зубами кусочек хряща и смахивает его жадно кружащему по залу псу.

— Да вроде бы.

Беззвучные слезы катятся по щекам Аэропы и капают в вино. Свойственная женщинам ошибка — вообразить, что любовник должен полюбить ее в ответ, и уверовать в то, что он избавит ее от постылого супружеского долга. Некоторые женщины видят лишь то, чего сами страстно желают, возводят башни на восковом фундаменте.

— О ее распутстве мне рассказал писец, когда я застал его самого за тем, что он пытался залезть ей под юбки, — говорит Атрей. — Он видел, как вы возлежали тогда, давно, на скамье в ее тронном зале. Небось, думал, что эти запоздалые сведения его спасут. Я отрезал ему член и смотрел, как он истекает кровью во дворе.

— Нельзя обвинять человека только за попытку, — говорит Фиест.

На шее у Атрея вздуваются вены.

— Обвинять? Да если бы я знал, насколько далеко ты зашел в своем предательстве, то убил бы тебя, как только вернул себе трон, а не позволял прелюбодействовать с чужими женами в изгнании.

— Никуда я не заходил, — возражает Фиест. — Но довольно уже, хватит со мной заигрывать. Верни мне копьё, и мы решим все по-мужски. Или

я ухажу. Радущие твоей жены всегда доставляет мне удовольствие, но я могу согреть и другие постели.

Улыбка наконец озаряет глаза Атрея.

— Правда? Подумываешь навестить парочку старых любовниц, поглядеть на каких-нибудь беспризорных сосунков? Я всегда говорю, что мужчина должен знать своих детей. Хотя сегодня ты своих не узнал.

Фиест, хмурясь, смотрит на сидящих подле матери мальчиков. У старшего тускловатые рыже-каштановые волосы Атрея и смуглое лицо. Младший светлее — чечевица с творогом. Сам Фиест темный, как египтянин.

— Это твои отродья, Атрей.

— Агамемнон и Менелай? Никаких сомнений. Ладно, убирайся, Фиест, и похлебки прихвати.

До того как Фиест успевает дать брату презрительный отпор, его хватает стражник с мечом в руке. Фиест решает оказать сопротивление, хотя в изгнании выжил именно благодаря тому, что не действовал сгоряча. Охранник ведет его к стоящему над очагом котлу. Раб поднимает крышку. В затылок Фиесту упирается холодный бронзовый клинок, заставляя наклониться. Пар обжигает ему глаза. Его щеки раздуваются от странного, будто знакомого запаха. Фиест вглядывается сквозь клубящийся пар, издает дикий рык и падает назад, зажав рот.

Головы его сыновей приобрели янтарный оттенок. Их волосы колышутся в бурлящем бульоне, подобно щупальцам. В них путаются три пары отрубленных кистей. Они подпрыгивают в кипятке

возле детских лиц, будто игриво указывая на милостивые губки и щечку с ямочкой.

Фиест схватывается со стражником в борьбе, кричит и осыпает его ударами. Он думает, что умрет сегодня вечером, что будет даже рад смерти, если только сначала прикончит брата. Атрей приговорил их обоих, устроил так, что они стали противны богам. Он начертил кровавый круг, охвативший целые поколения, круг вечного разрушения. Отцы обречены мстить за убитых сыновей, сыновья — за убитых отцов, братья будут убивать братьев, а племянники — дядьев, и так будет продолжаться бесконечно.

Когда мужчины ввергают семью в саморазрушение, женщины обязаны найти способ снять проклятие.

Глава 2

У Фиеста был еще один сын, зачатый от крестьянки в тот период, когда он снова скитался в изгнании после убийства невинных детей. Этот мальчик, Тантал, и стал моим мужем.

Мы поженились, когда Танталу было пятнадцать, а я была на три года старше его. К тому времени Фиест вернулся в Микены во главе наемной армии и окончательно сверг Атрея с его отделанного слоновой костью трона. Мои родители знали о вражде братьев, но не о том жутком ужине. Поскольку теперь Атрей был уже мертв, мне удалось преодолеть их возражения против этого брачного союза. Микены были слишком лакомым кусочком, чтобы отказаться.

Дурные предчувствия появились, только когда я забеременела.

Как любая молодая мать, я ужасно боялась, как бы что-нибудь не произошло с моим малышом. Завистливая душа могла лишить его жизни, пока он спал в колыбели. Бог мог ниспослать ему болезнь в наказание за совершенный мною по незнанию проступок. Я сомневалась в своих материнских способностях, несмотря на то что нянчилась с двоюродными братьями и сестрами, племянниками и рано ушедшими из жизни родными братьями. Больше всего я боялась безжалостных родственников в семье, где моему сыну довелось родиться.

Несмотря на то что празднества в честь его рождения прошли благополучно, я не находила себе места, пока Тантал с сыном на руках трижды не обошел вокруг очага на церемонии именнаяречения. Духи, которые рыщут повсюду в поисках безымянных младенцев, теперь улетели, отчаявшись заполучить легкую добычу. Но даже когда Тантал вернул сына в мои протянутые руки, я не была уверена, что нам удастся его уберечь.

— Маленькому надо поспать, — сказала нянька, после того как гости вручили свои именинные подарки.

Я сделала вид, что не расслышала. Прижав ребенка к себе, я шагнула в толпу топтавшихся в зале сторонников — людей, принадлежавших к местной знати и некогда преданных Атрею, но теперь подчинившихся совместной власти Фиеста и Тантала. Они толклись поблизости, а повара и мясники готовились возле очага к пиру в честь именнаяречения.

Тантал коснулся раскрасневшейся щечки сына.

— Ему плохо от этой жары и дыма. Нужно отправить его в детскую, любовь моя.

Конечно, он был прав. Нянька протянула руки, чтобы забрать ребенка, и я, ощутив укол ревности и сожаления, отдала его. Нас разделили впервые с тех пор, как он через муки и кровь вышел из моего тела. Ему было семь дней от роду.

Сторонники с венками парами сидели за маленькими круглыми столами, расставленными по залу. Они ели мясо и фрукты с той же неохотой, что и участвовали во всех предыдущих обрядах. Сейчас, в окружении этих людей, мне как никогда не хватало родителей. Мои мать с отцом не поехали в Ми-

кены на празднование. Отец сломал на охоте ногу, а мама еще не оправилась от очередного выкидыша.

— Попробуй кальмара, он прекрасен, — предложил Тантал, ободряюще мне улыбаясь.

Слуга поставил на стол фаршированного кальмара. Я выпрямила спину и внутренне собралась. Мои родители ждали бы от меня, что я ничем не выдам своего страха и буду вести себя царственно. Я не должна думать о мертвых детях, не должна представлять себе, как они рыдают в коридорах дворца. Я не должна думать о царевичах-воителях в изгнании: Агамемноне, Менелее и их сводном брате — трех молодых мужчинах, спасшихся во время взятия Микен Фиестом. О них, я в этом не сомневалась, думала не только я, носящая во чреве ребенка.

Отец Тантала ухватил за зад проходившую мимо молоденькую флейтистку.

— Скажи музыкантам, чтобы утихомирили свое мычание, красотка, — он угрюмо улыбался рассредоточившимся по украшенному цветами залу сторонникам. — Ну же, дамы! От ваших взглядов вода стынет. Мне кажется, я знаю почему.

Я сжала под столом руку Тантала. Неужто даже Фиесту не достанет прямоты и грубости высказать вслух то, о чем, вероятно, думаем мы все? В день именнаяречения моего сына он не стал бы заявлять, что мой ребенок не единственный претендент на трон.

Фиест выпятил подбородок, и его черная борода встопорщилась:

— Размышляете о сыновьях гончара, художника и подтиралы, верно, дамы? Атрей был рогнос-

цем. Его сыновья могли быть от кого угодно. А Тантал настоящий царевич, и теперь у него самого появился наследник Микен.

— И царица тоже, чтобы править нами, — высказался один из сторонников.

Фиест пристально и сердито посмотрел на меня.

— Малышка Клитемнестра? Мой трон будет безраздельно принадлежать только моему сыну, и даже понюхать подушку, на которой он сидит, не посмеет ни одна девка с костлявой задницей. Скоро он научится воздавать ей ремнем за ее заблуждения.

— Если позволите, — произнесла я, не обращая внимания на начавшие пылать щеки, — боги даруют мужчинам власть, а женщинам — сыновей. Мое единственное стремление — вырастить ребенка, который стал бы мудрым правителем в этом государстве.

— Хорошо сказано, — согласился Тантал.

— Достаточно сказано, — Фиест швырнул на пол обглоданную кость, из-за чего псы с рыком вцепились друг в друга. — Так что теперь, дамы, больше никаких хмурых взглядов. Никакого перешептывания в коридорах, где, как вы думаете, нет моих ушей. Служите мне преданно, и у вас никогда не будет недостатка в землях или ренте, ваши кладовые будут переполнены. Атрей никогда не был так щедр, — он грохнул своим кубком по столу. — Что случилось с музыкой? Приведите танцовщиц!

Но даже кувыркающиеся женщины в коротких, как у мужчин, юбках не могли поднять настроения

присутствующим в зале. Сторонники разговаривали так тихо и неразборчиво, что я почти не разбирала слов, кроме упомянутых раз или два имен Атреевых сыновей.

Фиест становился все пьянее. Его затуманенный взгляд то и дело возвращался к треножнику с парящим котлом в центре просторного зала, затем он усаживал себе на колени одну или двух танцовщиц и снова опорожнял кубок. На его лбу блестели бисеринки пота.

Я шепнула Танталу:

— Идем в нашу спальню, — скорее бы отгородиться дверью от этих людей.

Фиест пьяно тянул какую-то песню и ласкал бедро нубийской танцовщицы. В этот момент мы подошли к его столу, чтобы пожелать ему спокойной ночи.

— Это кто? — Фиест уставился своими налитыми кровью глазами на Тантала, будто наполовину ослепнув. — Который из них?

— Отец, это я, — ответил Тантал.

Нубийка успела отскочить в сторону, а Фиест сгреб моего мужа в свирепые объятия и заколотил сжатыми кулаками по его спине.

— Терпеть не могу твое смазливое личико, — произнес он и оттолкнул сына от себя.

Тантал обратил ко мне взгляд, полный скорби. Он намекал на то, что сегодняшней ночью мы услышим из спальни Фиеста его рев; кошмары вернутся.

Сегодня ночью во дворце будут кричать мертвые дети.

Мы вышли в широкий вестибюль с прохладным расписным полом. Ночь приглушила яркие краски настенных фресок. Обитая бронзой дверь была отворена настежь, и, пропустив нас, стражники откинули алый занавес, чтобы в зале стало не так душно.

После жара дымного очага я с удовольствием вдохнула несущий в себе успокоение воздух. Тантал приобнял меня за плечи и прижался щекой к моей щеке. Если Фиест наблюдал за нами из зала, то утром нам будет не избежать его насмешек. Но я все равно прильнула к Танталу, и мы пошли наверх.

Фиест настоял на том, чтобы наша спальня граничила с его. Нам приходилось терпеть не только его игрища с рабынями. Он нередко врывался к нам вполне осознанно, но при этом будто бы застряв в своих кошмарах. Наутро после таких ночей мы никогда не рассказывали ему о том, что он долгие часы проплакал, как младенец, в объятиях сына.

В моей груди разрасталась тоска.

— Мне надо посмотреть, как там Ифит.

Тантал потащил меня на кровать.

— Не сейчас, любовь моя. Ты только разбудишь его няню.

— Но это мой ребенок.

В ответ на мой раздраженный тон он улыбнулся:

— И самый везучий на свете, потому что у него такая мама.

Муж коснулся моих волос, которые я начала отрачивать со времен девичества, когда они еще бы-

ли обриты. Он вытащил гребешки и шпильки, с помощью которых служанки создали на моей голове иллюзию послушных женственных кудрей, и от того, как их кончики щекотали мне шею, я снова ощутила себя девчонкой.

Мы слишком устали, чтобы раздеваться, и легли прямо в праздничных одеждах — Тантал в длинной тунике, а я в многоярусных юбках и кофточке с коротким рукавом. Еще совсем недавно моя мать руководила нашими свадебными торжествами, а мы стыдливо изучали друг друга, одновременно познавая себя в первые брачные ночи. После того как Мать Тейя благословила мое чрево, мы стали бояться навредить цветущему семени. А теперь, в нашу первую ночь после моего освобождения от бремени, все мое тело начало нестерпимо ныть от одной только мысли о том, чтобы предаться любви с Танталом.

Его пальцы скользили вверх и вниз по моей руке, и вдруг его прикосновения сделались отвлеченными, как у Фиеста с танцовщицами.

— Мне страшно, Клитемнестра.

Я застыла. Мой спокойный муж редко чувствовал приближение опасности.

— Почему?

— Отец. Я не в силах ему помочь.

Я могла бы его успокоить — чем повредила бы моя ложь? Но никто не в силах избавить Фиеста от его прошлого.

— Ох, Тантал. И как тебя угораздило родиться в такой семье?

В первую брачную ночь мне открылась степень порочности моих новых родственников. Сбежав